

Пермь 1723 - 2003

Исполнилось 280 лет с того дня, когда на месте, выбранном Василием Никитичем Татищевым, был заложен Егошинский медеплавильный завод. Заводской поселок Егошиха превратился постепенно в губернский город Пермь. Город рос, перекинулся на другой берег Камы, и десятки пригородных деревень стали его микрорайонами.

Было время, когда пермяки едва не потеряли историческое название родного города, но сумели вернуть его общими усилиями, а больше всего — стараниями краеведов. Было время, когда город был закрытым — не только для иностранцев, но и, в информационном смысле, для собственных жителей. А теперь другие времена, — и каждый пермяк знает про свой первогород — Егошиху и помнит

имя государственного человека Василия Татищева. Даже памятник ему вот-вот появится на наших улицах. Впрочем, если пойдет речь о памятниках, то у нас много долгов. Прежде всего, надо бы увековечить имя человека, больше всех и лучше всех писавшего о Перми, — Михаила Андреевича Осоргина. Но в наши дни, стараниями опять же краеведов да музейных работников, и это имя становится известным и любимым для нас.

Наш город становится не просто краше с каждым годом, — он становится все интереснее! И все больше среди его жителей появляется настоящих, истинных пермяков, которым интересно жить в интересном городе. Мы сами творим его историю и сами создаем его облик.

С днем рождения, Пермь!

Александр СТАРОВОЙТОВ

Песня пермяков

На Каме, Егошихе
Встал городишко тихий
По воле дальнорюрого Петра.
Встал городишко скромный,
Построил шахты, домны
И началась с историей игра.

Припев: Играли мы совсем недолго,
Но так пошли у нас дела,
Что даже мать России — Волга
Невольно в Каму потекла!

Венеция на сваях
Из пермских карагаев
Который век уверенно стоит.
И знают даже дети:
Не первый год в балете
С Москвою Пермь на равных говорит.

Припев.

Смеясь над пермяками —
«Солеными ушами»,
Столичный остро слов признать готов:
Лишь «царские» игрушки —
От молота до пушки —
Любимые игрушки пермяков!

Припев.

СКАЗАНИЕ О ПЕРМСКОМ БАТАЛЬОНЕ

Третьего февраля 1943 года разгромом ударной фашистской военной группировки завершилась великая Сталинградская битва. О подвигах российского солдата много написано и в романах, и в мемуарах выдающихся военачальников. Но еще больший интерес представляет каждое новое свидетельство рядовых участников этой битвы, среди которых были сотни тысяч уральцев.

В конце сентября 1943 года на правый берег Волги, в самое пекло сталинградского сражения с ходу была брошена 193-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ф. Н. Смехотворова. В ее составе был и 184-й отдельный пуле-

В. Г. Карташов.

метный батальон, сформированный из пермяков-курсантов Пермского пулеметно-минометного училища. Командиром батальона был назначен двадцатилетний, но уже обстрелянный в боях Александр Прокопов. Он погиб через десять дней после переправы и похоронен на берегу Волги. Заместителем командира был лейтенант Стариков из Камышловского пехотного училища, а начальником штаба — старший лейтенант Семен Николаевич Бойко, боевой офицер, вернувшийся в строй после ранения в боях за Севастополь. Командиром одного из отделений в батальоне был восемнадцатилетний уроженец Пермского района младший сержант Владимир Лямин. Здесь же, в небе Сталинграда сражался его брат летчик — истребитель младший лейтенант Юрий Лямин. Первого января 1942 года он в воздушном бою, расстреляв боеприпасы, совершил таран вражеского самолета и вернулся на свой аэродром. За этот подвиг он был награжден орденом Ленина. Юрий погиб в сентябре 1942 года и позже был похоронен на Мамаевом кургане. А боевую эстафету принял Владимир Лямин...

В боях за Сталинград бойцы и командиры 184 батальона, как и всей дивизии, проявили чудеса героизма. Маршал В. И. Чуйков в своей книге «В начале пути» писал:

«По прибытии в Сталинград 193-я дивизия стала на оборону поселка и завода «Красный Октябрь». Она отражала десятки ударов во много раз превосходящих сил противника. Бойцы и командиры этой дивизии назад не оглядывались. Дивизия генерала Федора Никандровича Смехотворова стояла насмерть, перемаывая гитлеровские полки и дивизии, назад не отходила».

Много лет назад, встретившись с бойцами батальона — одного из сотен уральских воинских подразделений, сражавшихся на всех фронтах Великой Отечественной войны, я решил воскресить страницы его боевого пути, рассказать о судьбах бывших пулеметчиков, отнюдь не обласканных высокими наградами, но истинных патриотов своего Отечества. Все меньше остается их в живых. Все реже приходят от них письма. Одно из последних я получил от бывшего пулеметчика и героя Сталинграда Виктора Гавриловича Карташова. Только в одном бою у волжской твердыни он уничтожил полсотни гитлеровцев. Горькие это строки: «В наше время писать о защите Родины стало не модно. Нас теперь обвиняют в том, что мы сильно давали немцам по зубам, и теперь живем плохо. А если бы сдались на милость врага, то немцы сделали бы всех счастливыми. Так говорят некоторые подонки, живущие среди нас. У них нет Родины...»

Воспоминания уроженца уральского города Осы Виктора Карташова, начальника штаба батальона Семена Бойко, кунгуряка Ивана Караваева, солдатский дневник курсанта — пулеметчика Владимира Лямина, написанный в военном госпитале в 1942 году и пахнущий порохом дымом боев помогли мне воссоздать

короткий, но славный путь 184-го отдельного пулеметного батальона, сформированного из воинов — уральцев.

Стоял август. Второй год шла война, пламя которой все дальше катилось по русской земле. Город на Каме работал для фронта. Пушки Мотовахи, снаряды, пороха отправляли на запад эшелонами. Здесь же формировались новые воинские соединения.

Десятого августа в клубе Красных казарм, где размещалось пулеметно-минометное училище, собрали всех курсантов, и комиссар училища им объявил, что завтра курсанты выезжают на фронт и будут доучиваться на передовой.

На следующий день отворились ворота Красных казарм. Духовой оркестр заиграл марш, и курсанты, построенные по батальонам, вышли на улицу, и колонна направилась на станцию Пермь-И. По сторонам стояли женщины, дети и старики. Мальчишки подстраивались к колонне, стараясь держать широкий шаг.

Командир отделения младший сержант Владимир Лямин смотрел по сторонам, хотя выглядывать ему было некогда. До дома, считай, рукой подать. Но Владимира не отпустили на побывку, и он не смог оповестить родных.

Гремел оркестр. А когда смолкал, слышен был плач. У Володи запершило в горле. Впереди командовали: «Песню!» Владимир повернулся к шагающему рядом своему другу Ивану Караваеву и увидел, что тот выглядит как-то в толпе провожающих. Он искал мать, и она первой окликнула его.

— Мама, — шептал Иван, обняв ее рукою за плечи. А она, взявшись за рукава давали немцам по зубам, и теперь живем плохо. А если бы сдались на милость врага, то немцы сделали бы всех счастливыми. Так говорят некоторые подонки, живущие среди нас. У них нет Родины...»

На станции курсанты разошлись по вагонам. По всему перрону тесными кучками — провожающие. Иван вскочил в вагон. Уступенек, запрокинув голову. Прижимая платок к глазам, плачет мать. Иван держится из последних сил, даже пытается улыбнуться. Непонятно, почему их не отправляют ... На плечи ему мягко легли большие теплые ладони

друга. Поезд — наконец-то! — трогается.

— Я напишу тебе, мама! — кричит Иван, с трудом разжимая сведенные челюсти...

184-й отдельный пулеметный батальон формировался из курсантов Молотовского (Пермского) минометно-пулеметного училища в городе Кургане, где в те дни находилась на пополнении выведенная из боев 193-я стрелковая дивизия. В сентябре вся дивизия, включая и батальон пермских курсантов, была направлена в Сталинград, где враг, не считаясь с огромными потерями, продолжал продвигаться к берегу Волги. Огромный город уже лежал в руинах...

Эшелон с дивизией утром прибыл в Ленинск. До Сталинграда оставалось 80 километров. Отсюда бойцы батальона вместе с другими частями пешком шли к Волге. Когда подошли к реке, уставшие и запыленные курсанты бросились в воду. Иван, как и большинство других вчерашних уральских курсантов, впервые плескался в Волге. Владимир разглядывал противоположный берег и город, откуда доносились взрывы бомб и снарядов. Он слышал даже отдельные пулеметные очереди. На фоне зарева четко выступали корпуса и высокие трубы заводов.

Когда совсем стемнело, началась переправа. Саперы будто из-под воды достали десятка полтора разнокалиберных лодок, бойцы забрались в них, начали гребсти. От ракет и бушевавшего на той стороне огня на реке было светло. И скоро от вражеских мин закипела кругом вода. Пулеметчики касками, лопатками и руками гребли изо всех сил, а лодки, казалось, стояли на месте. Наконец, раздалась команда «Прыгай!» На крутом, обрывистом берегу Волги Владимир наткнулся на огромный щит. Взгляд скользнул по белеющим, как бинты, строчкам: «Будем стоять насмерть! За Волгой для нас земли нет!» Пулеметчики бежали по улице заводского поселка Красный Октябрь, все время натываясь на воронки, прыгая по кучам битого кирпича.

Расчет Лямина занял первый этаж здания на перекрестке улиц. Установили в окне пулемет. В нескольких сотнях метров отсюда, на западной окра-

И. Г. Караваев

ине поселка, шел ожесточенный бой. А здесь бойцы жили предчувствием первого боя. Примостившись устола, придвинутого к оконному проему, Владимир свернул козью ножку, прикинул, затянулся. Он верил в своих ребят. И все же беспокойство не покидало его. И вдруг рядом зазвучала песня. Пел Иван Караваев, сидевший с другими пулеметчиками в соседней комнате. Бойцы, усевшиеся на перевернутый шкаф, набивали патронами пустые ленты. А Иван, наблюдавший за дорогой, негромко выводил простую, обнимающую душу мелодию, услышанную уже здесь. На волжском берегу песни:

*«Изрытая снарядами
стонала степь,
Стоял над Сталинградом
черный дым.*

*Идолго, долго
над грозной Волгой
Мне снился Дон
и ты над ним».*

Этот голос и будничная сосредоточенность бойцов притупили на миг мысли Владимира о предстоящем бое.

В то октябрьское утро пулеметчики 184-го батальона вместе с пехотинцами из других полков дивизии продолжали оборонять завод «Красный Октябрь». Враг не сумел прорваться, хотя и отпустил защитников к самым заводским корпусам. Если немцы и занимали какой-то дом, значит, там уже не было никого в живых. В батальоне не осталось и половины бойцов. В отделении Лямина убили подносчика патронов. Еще одного тяжело раненого пришлось отправить в тыл. Вчера, поддерживая пехоту огоньком, расчет Лямина несколько раз менял позиции. Оставшиеся расчеты пулеметной роты заняли склон одного из оврагов, перерезавших поселок с запада на восток. Пулеметы держали

СКАЗАНИЕ О ПЕРМСКОМ БАТАЛЬОНЕ

Начало на 2-й стр.

под прицельным огнем подступы к заводу. Слева от Лямина, в озоохранилище держал оборону расчет Ивана Караваева. Немцы шли в атаку пьяные, с засученными рукавами, подбадривая себя бормотанием, на ходу стреляя из автоматов. Владимир поливал их свинцом. Немцы не выдержали, залегли, а потом вновь поднялись во весь рост. Пулемет дал очередь и захлебнулся: в патроннике застряла гильза. Бажуков и Няшин тревожно взглянули на командира.

— Гранаты, — крикнул Владимир и первый бросил «лимонку».

И снова принок к пулемету. Спасла курсантская выучка. Застрявшую гильзу удалось выбить, и пулемет снова застрочил. Немцы отошли.

Бойцы уж собрались перекурить, как рядом раздался взрыв. Крыша озоохранилища рухнула.

— Оставайтесь здесь, — приказал он бойцам. — Я быстро. Лямин добрался до озоохранилища, вытащил Ивана из-под обломков. Он был ранен. Из-под русских кудрей к уху стекала кровь. Иван открыл глаза, увидел смуглое, скуластое лицо Владимира, его черные усы... Подбежал пожилой санитар с розовым шрамом на щеке. Без слов он взвалил на себя раненого и тяжело стал спускаться по склону. Лямин перебежками начал пробираться к пулемету. Но не добежал: неподалеку разорвалась вражеская мина. Санитар, несший Караваева, увидел как рядом с бежавшим пулеметчиком взметнулись вверх комья земли.

Несмотря на потери, пермские курсанты — пулеметчики крепко держали оборону стен сталинградского завода «Красный Октябрь». После гибели командира батальона действиями подразделений батальона руководил Семен Николаевич

Бойко. С этим мужественным человеком мне повезло встретиться уже в семидесятые годы. И я понял тогда, что он навсегда сохранил восхищение своими солдатами, с которыми прошел сквозь ад Сталинграда.

«В то незабываемое время, — рассказал С. Н. Бойко, — солдатские шинели надели тысячи парней с берегов Камы, лесорубы из вишерских таежных падей, колхозники из Барды и Коми — Пермского автономного округа, рабочие из городов и поселков Кизеловского угольного бассейна. Только из одного Осинского района в батальоне было около двадцати человек. К нам пришли молодые, смелые и выносливые, хорошо подготовленные в военном отношении ребята. И они отлично показали себя в бою. К сожалению, многим не суждено было вернуться домой...»

По достоинству оценили воинскую доблесть уральцев командир 193-й Днепровской ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии генерал-майор в отставке Ф. Н. Смехотворов и его заместитель по политчасти П. И. Нечаев:

«Выдающаяся стойкость и мужество проявили бойцы 895-го стрелкового полка и 184-го пулеметного батальона в бою в районе фабрики-кухни, — писали они в газете «Советский патриот», — Пулеметчики Виктор Карташов, Виталий Бутаков, Аркадий Мишин, Борис Кузнецов, Сергей Кобелев, Михаил Петухов и Иван Пьянков, окруженные со всех сторон фашистами, в течение пяти суток без пищи и воды самоотверженно сражались с врагом. В этом бою только один пулеметчик сержант Виктор Карташов уничтожил более полсотни гитлеровцев». И таких эпизодов было немало.

Да и сам начальник

штаба батальона Семен Бойко был не робкого десятка. 5 октября 1942 года тремя немецкими танками с группой автоматчиков удалось просочиться на территорию завода «Красный Октябрь». Они оказались в двадцати метрах от заводской лаборатории, где находился командный пункт пулеметного батальона. В штабе было всего двенадцать человек: врач батальона Беленький, старший сержант Гушин, телефонисты и несколько раненых солдат. А за вражескими танками шли до 50 гитлеровцев. Наши бойцы под командованием С. Бойко приняли неравный бой, который длился около двух часов. Заметив среди немцев офицера, спрятавшегося под вагоном, С. Бойко выстрелом из винтовки уложил его на рельсы. Потеряв командира и до двух десятков солдат, гитлеровцы отступили.

А с Семеном Николаевичем Бойко я познакомился через его однополчан, чудом уцелевших в той сталинградской сече. Санитар, вынесший Караваева с поля боя, спас его от смерти. Залечив раны, курсант-пулеметчик вернулся в боевую строй. После Сталинграда он воевал на Курской дуге, штурмовал Кенигсберг, был награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями. После демобилизации он пошел работать воспитателем в исправительную колонию. Я познакомился с ним, когда он принес в редакцию многотиражной газеты «Вперед», где я работал корреспондентом, свои заметки о работе воспитателя. Признаюсь, он покорила меня своим огненным темпераментом, талантом рассказчика, прямотою суждений. Было в нем что-то гусарское. А лихо подкрученные черные его усы у меня, тогда еще безусого, вызвали просто зависть.

— Эх, и усы же у тебя, Иван Григорьевич, — сказал я ему. — Как у Чапаева.

— Нет, — тихо ответил он, — ляминские у меня усы. Володи Лямина, моего фронтowego друга, погибшего в Сталинграде.

Я почувствовал, что затронул самое сокровенное в душе ветерана. И он рассказал мне всю эту сталинградскую боль, закончив ее словами:

— Вот с тех пор и ношу усы. В память о друге. Слово себе такое дал.

Память о друге... Она жила в нем все послевоенные годы. Своего первого сына он назвал Владимиром. Второго сына назвал Юрием. В честь первого космонавта Земли. И даже получил от Юрия Гагарина фотографию с дарственной надписью: Юрию — младшему. Трех сыновей и дочь вырастил Караваев, и дядя Володя входил в их жизнь, как живой, родной им человек, который долго-долго пробыл на стороне и вот-вот переступит порог их дома.

И вот однажды случилось то, что иначе и не назвать, как подарком судьбы. Когда у гармониста и песельника Ивана Караваева подросли дети, в семье само собой образовался ансамбль. Пермская телестудия пригласила Ивана Григорьевича с его ребятами принять участие в смотре семейных ансамблей. Выступили они хорошо и даже получили призы. И повел отец своих счастливых ребят по залитой солнцем улице. У Дома народного творчества к ним подошел невысокий, плотного сложения мужчина в сером с искрой костюме и сказал: — Здравствуй, Иван...

— С кем имею честь познакомиться? — задорно спросил Караваев, взглядывая в смугловатое, чисто выбритое лицо незнакомца.

Тот молчал секунду-другую, но лицо его, озарившись улыбкой, округлилось, и Караваев, которому впрямь было перекрестить, вдруг закричал на всю улицу:

— Володька... Ты?!

— Я, Ванюша... Смотрю дома телевизор и глазам своим не верю.

Они бросились друг к другу в объятия и заревели при всем честном народе. Ведь каждый из них считал другого погибшим. А теперь встретились на родной земле через 26 лет после окопов Сталинграда. Друзья стояли, обнявшись, и боялись отпустить друг друга: все походило на сон. Через час они уже были на станции Ферма, в доме Владимира Витальевича Лямина, сидели за столом и вспоминали, вспоминали...

Через несколько дней я получил от Караваева письмо.

«Дорогой друг-газетчик, — писал он, — помнишь, я рассказывал тебе о своем друге Лямине, который вытащил меня из-под обломков на «Красном Октябре». Так жив Володька, и мы с ним встретились, договорились разыскать всех оставшихся в живых наших друзей-пулеметчиков. Помогите, журналист, найти нам наших товарищей. Где-то по Перми ходит с костылем Сашка Собакин, в Пермской области знаю, живут учитель Бошов, наш маленький Ваня Пьянков, крепкий, как дуб, Петя Бажуков...»

Об удивительной судьбе и встрече друзей я рассказывал на страницах областной газеты «Молодая гвардия», обратился через газету с просьбой откликнуться бывших курсантов училища, бойцов отдельного батальона. На другой день после выхода газеты в редакции раздался звонок.

— Говорит Бойко, — услышал я в трубке. — Вы писали о Лямине и Караваеве?

— Да, — говорю.

— Так то ж мои хлопцы...

Так я познакомился с Семеном Николаевичем Бойко, с его обаятельной супругой Анной Григорьевной, верной его спутницей и помощницей во всех ветеранских делах. А несколько позже я вместе с Владимиром Ляминым и Иваном Караваевым приехал к Семену Николаевичу в гости. Он рассказал нам, что уже несколько лет переписывается с бывшими бойцами и командирами 193-й стрелковой дивизии и что ему удалось разыскать некоторых бывших курсантов-бойцов 184-го отдельного батальона.

К сожалению, время немудимо... Нет уже в живых начальника штаба С. Н. Бойко, После тяжелой болезни ушел из жизни механик агрегатно-конструкторского бюро Владимир Лямин. Вся жизнь он прожил на станции Ферма, покидая ее только в годы военного лихолетья. Его жена Любовь Филипповна показала мне яблоки и вишни, выращенные им под окнами своего дома. Как он любил слушать здесь тишину...

Иван ЕЖИКОВ.

На снимке: встретились друзья-однополчане: слева направо — И. Г. Караваев, С. Н. Бойко, В. В. Лямин.

Фото Николая Чупина.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ

22 января 2004 года исполняется 100 лет со дня рождения А. П. Гайдара. В нашем городе, который стал для него школой журналистики и писательства, бережно хранят память об одном из самых известных «пермяков». Подготовка к юбилею уже фактически началась. Впервые об этом заговорили на вечере памяти писателя в октябре 2001 года, когда обсуждали эскизный проект новой мемориальной доски скульптора Р. Исмагилова. В прошлом году ее установили на здании бывшей редакции газеты «Звезда» по ул. Сибирской, 8. Дом журналиста имени Гайдара приведен в порядок, сделан ремонт.

Но самое главное еще впереди. Предстоит разработать и скоординировать программу юбилейных мероприятий. Пусть это возьмет на себя «гайдаровский» комитет или комиссия при Департаменте культуры, или правление областной журналистской организации. А может быть, Администрация области создаст

необходимый авторитетный оргкомитет?

Постараемся выделить самые необходимые на наш взгляд дела к юбилею Гайдара. Прежде всего, нужна пропаганда гайдаровской книги среди детей и юношества. Гайдар успел написать немного, но книги его давали заряд большой нравственной силы для каждого поколения. И в наше время есть потребность в его умных книгах.

Не так давно на вопрос журналиста о том, будут ли читать книги Аркадия Гайдара, его внук, известный политик Егор Гайдар ответил кратко: «Думаю, да!».

Разделяя эту убежденность, я бы добавил: «При одном непременном условии»: если всеми средствами — силами библиотечных работников, учителей, родителей — возобновить интерес к гайдаровской книге. Сегодня же пока гайдаровских благородных героев Тимура и Женю побеждают вездесущие Гарри Поттер и Таня Клоттер.

Жизнь литературных героев бесконечна, если в них заложены вечные нравственные ценности: честность,

справедливость, доброта, всегда побеждающая зло. Время подготовки юбилея может стать началом возвращения Гайдара к нашим внукам, вступающим в жизнь в новом веке. В частности, этому могла бы способствовать массовая акция детских библиотек под девизом: «Книгу Гайдара — в XXI век!»

Иные идеологи утверждают, что гайдаровские книги устарели, герои их несовременны. Но разве может устареть история? Пусть нынешние школьники изучают историю гражданской войны и по этим книгам любят и защищают свою страну так, как любил и защищал ее Гайдар.

В пермском книгоиздании, в журналистике и краеведении интерес к гайдаровской теме в разное время то возник, то угасал. После выхода в свет в середине 1960-х годов книги «Аркадий Гайдар на Урале», написанной пермскими друзьями Гайдара Б. Назаровским и С. Гинцем, казалось, что о «пермском периоде» писателя сказано все. И настоящим событием стало издание в 1983 году «Уральские повести и рассказы» А. П. Гайдара, составленного бывшим пермяком, а затем московским журналистом Александром Никитиным. Он же подготовил литературоведческий очерк, примечания, а вступительное слово написал Тимур Гайдар. Это был замечательный подарок пермякам тиражом в 15 тысяч экземпляров! В течение двадцати лет прошедших после этого, местная печать по юбилейным датам публиковала дежурные, малоинформативные материалы типа «Гайдар шагает впереди», «Гайдар с нами» и т. д. и только изредка появлялось нечто новое, например, публикация историком В. Г. Светлаковым писем Гайдара, выявленных в фондах архива. Глубокий культурологический очерк «Тень Голикова не дает нам покоя» — о позиции писателя В. Солоухина в оценке личности Гайдара — написал пермский журналист и краевед В. Ф. Гладышев.

Новую тему в краеведении — о судьбах тимуровцев, людей, воспитанных на книгах Гайдара, открыл журналист и писатель И. П. Турин в своей

книге «У самого ярого камня». Эти публикации подсказывают направление дальнейших краеведческих исследований: поиск в архивных фондах документов, связанных с жизнью и творчеством Гайдара; его имя в пермской прессе, на телевидении, в театре. И, наконец, изучение истории тимуровского движения, к сожалению, невостребованного в наши дни.

Что могла бы сделать к юбилею областная общественная организация Союза журналистов России? Журналистика была для Гайдара не только школой писательства, он оставался журналистом до последнего дня своей короткой жизни и погиб в бою, как храбрый солдат.

Его имя и сегодня, в иных социально-экономических и общественно-политических условиях успешно «работает» в пермской журналистике, воодушевляя журналистов нового поколения на творческие поиски, на повышение мастерства и ответственности перед обществом. Почти сорок лет проводится ежегодный областной конкурс журналистов имени Гайдара, присуждаются премии его имени победителям. Ветераны прессы, лауреаты этой премии, высказывают мнение, что к юбилею А. П. Гайдара условия этого конкурса следует несколько изменить, направив творчество его участников на развитие главных гайдаровских традиций в журналистике: всегда быть впереди, «на линии огня». Этой традиции следовали пермские журналисты, побывавшие в «горячих точках»: Марина Мальцева, Тамара Сырохватова, Вальдемар Пырсигов, Андрей Никитин, Аркадий Константинов, временно погибший в Карабахе редактор «Молодой гвардии» Валерий Дементьев.

В условиях конкурса целесообразно установить новые номинации: «За пропаганду жизни и творчества Гайдара», «За возрождение жанра фельетона» — одного из любимых гайдаровских жанров в печати. Полезными могли бы стать творческие встречи лауреатов со студентами отделения журналистики

Окончание на 5-й стр.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ

Начало на 4-й стр.

Пермского классического университета. Все это поможет поднять престиж нашего главного журналистского конкурса, который сравнялся сейчас со множеством тематических, ведомственных конкурсов.

Необходимо сказать, что журналисты старшего поколения гордятся тем, что у нас в Перми сохранился активный работающий Дом журналиста имени Гайдара. Это стоит немалых трудов и забот для

председателя журналистской организации В. А. Мосеева. И все же не все делается для создания имиджа подлинно гайдаровского Дома. Попробуйте купить в киоске, работающем в фойе, открытку с портретом Гайдара, ручку с факсимиле писателя, книжную закладку, удобный блокнот, элементарный справочник «Пресса Пермской области», карманный календарик, наконец, значок с барельефом писателя. Не удастся: предлагаются только бухгалтерские бланки и кое-какие

канцтовары. А ведь все это можно сделать и издать в Перми на самом высоком уровне, и продать без убытка.

Незадолго перед своей кончиной известный фотожурналист Е. Н. Загуляев подарил родному «домжуру» комплект репродукций с редких фотоснимков Гайдара. Это очень дорогой подарок, его должны видеть и журналисты, и все, кому интересна жизнь и творчество Аркадия Петровича. Ветераны журналистики намерены возродить

традицию проведения экскурсий по Дому журналистов, и эта фотовыставка будет очень кстати.

Еще одно пожелание перед юбилеем: пермяки, наверное, вправе обратиться в Центробанк с просьбой выпустить памятную монету к 100-летию Гайдара, и к службе Федеральной почтовой связи о выпуске конвертов и марок с его портретом. А в Перми можно сделать настольную памятную медаль.

Владимир ШИРИНКИН,
засл. работник
культуры России.

Архивные истории

Трудно себе представить как много достойных внимания событий и фактов уходят в небытие, никем не записанных и не рассказанных. Вот одна из таких историй.

В 1921 г. при Пермском губернском комитете партии большевиков по решению Центрального комитета был создан Истпартотдел (Испарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии большевиков). Отдел возглавила Конкордия Григорьевна Ольховская, большой энтузиаст и грамотный историк. За короткое время был создан широкий круг активных помощников из числа участников революционных событий и гражданской войны. Уже через год была собрана большая коллекция воспоминаний, фотографий, листовок, газет (в том числе белогвардейских), жандармских и полицейских документов, приговоров судебных органов.

Истпартотдел планировал издать пять сборников документов по революции 1905—1907 гг., Октябрьской революции и гражданской войне. Удалось издать три книги: «Борьба за власть» (первый том и первая часть второго тома) и комсомольский сборник «Под знаменем Октября».

Начавшаяся территориальная реорганизация нарушила планы. Сначала упразднили Пермскую губернию и создали округа, затем их упразднили. Пермь стала районным центром в составе Уральской области.

Истпартотдел был ликвидирован, а Ольховская назначена директором краеведческого музея и переве-

ла туда весь архив. Однако, обком партии решил забрать архив в Свердловск. В 1931 г. будущий доктор исторических наук, автор многих книг по истории революционного движения на Урале Ф. П. Быстрых прибыл в Пермь с официальным документом на отправку архива в Свердловск.

Ольховская была больна и ничего не знала о происходящем. Тем временем сотрудница музея безропотно, без всяких возражений стала помогать Быстрым упаковывать документы в ящики. При этом, он отобрал в первую очередь наиболее ценные документы, такие как протоколы партийных конференций и заседаний комитетов большевиков Перми, Лысьвы, Чусового, Чермозаидр. за 1917—1918 годы, то есть, первоисточники революционных событий в Прикамье.

Узнав об этом, Конкордия Григорьевна, больная, с высокой температурой, бросилась спасать документы, собранные за десять лет упорного труда. С большим трудом она добилась решения Пермского райкома партии о приостановке подготовки архива к отправке в Свердловск.

Когда Ольховская предъявила представителю Уральского обкома партии это решение, последний, буквально перед носом Конкордии Григорьевны помахал багажной квитанцией, очень довольный собой. Так важнейшая часть коллекции документов Пермского истпартотдела оказалась в Свердловском партийном архиве.

Оставшаяся часть архива до 1954 г. хранилась в Областном краеведческом музее.

Судьба К. Г. Ольховской сложилась печально. Начавшийся поиск «врагов народа» не обошел ее стороной. В ноябре 1936 года она была снята с работы и исключена из партии за издание контрреволюционных сборников (уже упоминавшихся) «Борьба за власть» и «Под знаменем Октября». Кроме того, ее обвинили «как неразоружившую троцкистку, засоряющую музей антисоветскими материалами».

Нелепыми обвинениями изобилуют критические замечания, приложенные к протоколу об исключении, особенно касающиеся молодежного сборника. Например: «Страшной клеветой и извращением является объяснение Матвеева (К. П. Матвеев — комсомольский вожак) существования апрельских тезисов Ленина: «Как гром на ясном небе раздался голос Ильича», — как будто невинная фраза, а по сути дела очень яркий троцкизм... с его отрицанием роли партии большевиков в февральской революции... Кроме того, Матвеев ни слова не говорит о борьбе партии большевиков во главе со Сталиным за молодежь, за воспитание молодежи в духе Ленина — Сталина».

К. П. Матвеев, как и многие другие, был исключен из партии, репрессирован, расстрелян. Ольховская же, узнав о предполагаемом аресте, тайком с детьми уехала из Перми.

Архив Истпарта остался бесхозным. После войны научные работники города вновь вернулись к изучению края. Вот что рассказал автору статьи сотрудник музея

В. С. Бранзбург: «Несмотря на то, что архив Истпарта был даже мало-мальски не обработан, научным работникам разрешали работать с документами. Некоторые из них приходили с пустыми портфелями, а уходили с набитыми как поросята».

В 1954 году директору краеведческого музея Л. Г. Дворсон предложили передать остатки архива Истпарта на государственное хранение. Часть документов поступила в Госархив Пермской области, часть — в партийный архив Пермского обкома КПСС, часть осталась в музее (редчайший, полный комплект газеты «Пролетарское знамя» за 1917 г., воспоминания, фотографии и другие материалы).

Партийный архив долгие годы добивался возврата коллекции документов, увезенных в Свердловск в тридцатые годы, но тщетно. При необходимости приходилось ездить в Свердловск и снимать машинописные копии. Только в восьмидесятые годы свердловчане вернули в Пермь значительную часть документов Истпарта.

В настоящее время наследниками уникальнейшей коллекции документов Истпарта являются Пермский областной краеведческий музей, Государственный архив Пермской области, Государственные общественно-политические архивы Пермской и Свердловской областей и, по-видимому, частные лица.

Надежда АЛИКИНА,
архивист, засл. деятель
культуры РФ.

Осторожно: модерн

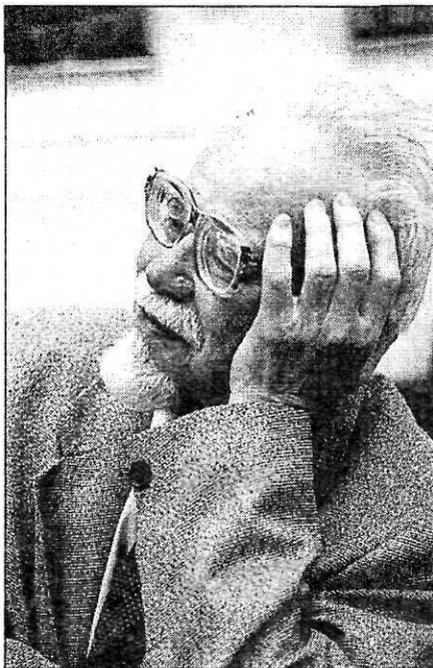
Полтора года была закрыта на ремонт Пермская государственная художественная галерея. 25 декабря 2002 года она открыла свои обновленные экспозиции для зрителей. Помимо экспозиций в галерее были открыты две художественные выставки.

«Русский авангард» из фондов галереи. **Посетители увидели «наиболее выездные» картины, побывавшие на представительных выставках в Финляндии (1989), Германии (1990), Испании (1991), США (2001) . Это работы А. Родченко «Композиция», А. Лентулова «Церковь в Солнцедаре», А. Осмеркина «Натюрморт. Стеклянная посуда», А. Шевченко «Лучистая композиция», П. Суботин-Пермяк «Натюрморт с кувшином» и др.**

Художники — «Лауреаты областной премии в сфере культуры и искусства» 2001 года. **Впервые зрители увидели произведения лауреатов премии, которая присуждается деятелям культуры и искусства с 1995 года. Лауреаты премии 2001 года — Ю. Лапшин и А. Филимонов (посмертно). На выставке — произведения из цикла «Художник над временем» Лапшина и серия городских пейзажей «Пермь сто лет назад» Филимонова.**

Богат на события художественной жизни февраль.

5 февраля открылась выставка из фондов художественной галереи с привлечением памятников из фондов Музея Пермского государственного университета, Историко-краеведческого музея им. А.С. Пушкина г. Чердыни, а так же мастерских современных художников — «И друг, и враг, и бог, и жертва...». **Выставка посвящена «братьям нашим меньшим». Здесь огромный и многообразный мир животных, выступающих то в роли Богов как, например, в Древнем Египте, то в роли друзей, то жертвы. Посетители увидят помимо оригинального дизайна выставки, замечательные произведения искусства от Древнего Египта (относящиеся ко II-III тыс. до н.э.) — до наших дней. Иными словами, временной и географической диапозоны огромны. Это работы художников Европы, Азии, Африки.**

Актуальные проблемы пермского балета стали темой недавней статьи в «Звезде» (6 декабря 2002 г.). Журналистка Наталья Земскова настойчиво советовала нынешнему главному балетмейстеру нашего театра Д. А. Авдышу обратиться в своих новых постановках к более активному использованию опыта и методов современной хореографии, властности, к использованию наследия такого хореографа, как Баланчин.

Само это стремление можно только приветствовать. Но вот что заставляет задуматься: среди «образцовых» хореографов назван швед Мате Экк, известный «супермодерновыми» постановками, в том числе, известных и широко популярных классических балетов. И при этом весьма эпатазирующими, как заметил комментатор телеканала «Культура».

В последнее время мне довелось увидеть по этому каналу в постановке и хореографии Экка балеты «Жизель» на музыку Адана и «Спящая красавица» на музыку Чайковского. Действие «Жизели» перенесено в современный низкопробный притон, первоначальный сюжет переосмыслен до неузнаваемости. Балет завершается раскатыванием главного героя плащом по сцене в абсолютно голом виде (без малейшего намека на какой-нибудь «фиговый листочек!»), что, видимо, должно нагляднее и убедительнее демонстрировать его страдания по поводу содеянного с героиней...

На явно криминогенной окраине современного города разворачивается и действие «Спящей красавицы». От волшебной сказки Перро, воплощенной в

хореографии Петипа и музыке Чайковского, разумеется, ничего в постановке Экка не осталось. Более того, музыка по ходу балета «обогащается» то воплями и выкриками действующих лиц, то их руганью, то даже выстрелами из пистолета (хорошо еще, что не автоматными очередями или орудийными залпами!). Среди сценического «антуража» — передвижной макет легкового автомобиля, объект постоянного внимания героев балета, подлинный и действующий телевизор и телефонный аппарат, тоже неоднократно используемые по ходу действия. Господствующая на сцене «акробатическая пантомима» по сути лишь единожды прерывается традиционной хореографической классикой (танец трех «синих» пар), когда в музыке наступает черед известной «Панорамы». Даже знаменитый вальс из первого действия стал для Экка всего лишь иллюстрацией замысловатой «акробатики» героев на макете автомобиля и возле него... Доглола никто из персонажей не раздевается, зато фигурирует... половой акт (!), участники которого, впрочем, прикрыты некоей драпировкой, не оставляющей никаких сомнений относительно существа совершаемого действия.

Вот каков «творческий почерк» современного хореографа Мате Экка.

Пусть прослышу ретроградом, но я категорически и принципиально против подобных «новаций», безусловно заводящих современную хореографию в тупик. Не всякий «модерн» плодотворен. Он, бесспорно, требует осторожного к себе отношения. И «крепкого» морально-нравственного фундамента. «Ответственной» эстетики.

И еще. Если балетмейстеры хотят экспериментировать в современной хореографии на тематику нынешней жизни {а то и «житухи» - творческий полет фантазии беспределен!}, то зачем же для этого «тревожить» музыку композиторов-классиков — Адана, Чайковского, Минкуса, Глазунова и других. Новаторским изыскам должно соответствовать и соответствующее «звуковое сопровождение». Иначе получается вопиющее противоречие между творением композитора и его «модерновым» танцевальным воплощением.

А вот в чем Н. Земскова безусловно права, так это в сетовании на отсутствие на пермской сцене «дягилевских» балетов. Что совершенно непозволительно для «города Дягилева».

**Михаил СТЕПАНОВ,
Пермское городское
отделение ВООПИК.**

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРМИ

Интеллигенция, особенно творческая, многонациональна, чего нельзя не учитывать в региональной политике государства.

Характерным примером и подтверждением данного положения служит Пермь. В составе ее интеллигенции наряду с русскими, коми-пермяками, башкирами, татарами, видную роль играют появившиеся в Прикамье в XVIII — XIX вв. украинцы и евреи, немцы и поляки, потомки которых, основательно обрусевшие в XX в., и поныне занимают свое место в жизни города. Будучи выходцами из регионов с более высоким уровнем развития производительных сил и общечеловеческой культуры, они, несомненно, оказывали благотворное воздействие на местную интеллигенцию и, шире, на коренное население в целом.

Еще на заре истории Перми в основание и развитие ее существенный вклад внесли немец Циммерман и швед Берглин. Основание Пермского наместничества, а затем губернии ознаменовалось прибытием сюда большого «десанта» различных специалистов не только в сфере управления, но и в области просвещения, медицины, строительства... К этому десанту можно отнести появившихся в Перми несколько позднее немцев: доктора медицины Граля, пользовавшегося огромной популярностью среди населения, и губернатора, инженера-строителя по профессии Модераха, прославившегося своей деловитостью и неподкупностью, а также просвещеннейшего чиновника Верха.

В начале второй половины XIX в. последовал другой заметный прилив интеллигенции в Пермь. В 1858 г. англичанин механик Гуллет открывает первое в городе машиностроительное предприятие — «механическую фабрику» для строительства паровозов, которая затем перешла в руки

другого англичанина — Тета. Это были первые представители инженерно-технической интеллигенции в городе. Вскоре в предместье города — Мотовилихе — сооружаются Пермские пушечные заводы. Одним из них, чугунопушечным, руководил немец инженер Грасгоф. Он же возглавил отливку крупнейшей в мире чугунной гладкоствольной 20-дюймовой пушки (пермской «царь-пушки»).

В эти годы пермским губернатором был немец Б. В. Струве, сын которого — Петр, родившийся в Перми, впоследствии вошел в историю как один из оппонентов В. И. Ленина.

Уже к исходу второй трети XIX в. число немцев в городе достигло такой величины, что с 1864 г. здесь начала действовать лютеранская кирха.

Польская диаспора возникла в Перми еще в 1830-е гг. за счет сосланных участников восстания 1830—1831 гг. В 1838—1839 гг. даже была устроена католическая часовня для удовлетворения культурных потребностей поляков. Диаспора значительно возросла благодаря появлению в Перми новой группы поляков после восстания 1863—1864 гг. Поэтому в 1875 г. здесь был возведен католический костел. Примечательно, что три четверти его прихожан составляли дворяне и чиновники. В отличие от немцев и евреев, поляки появились в Перми, во-первых, насильственно, и, во-вторых, в относительно большом числе, что создавало определенную сплоченность и солидарность внутри общины. Судя по приведенным данным, значительное место в ней занимали дворяне (шляхта). Возможно даже, что польская шляхта в недворянской Перми доминировала: Но поляки быстро адаптировались к жизни в новых условиях, чему способствовало отношение к ним со стороны местной власти: недавние «Враги государства» (и их ближайшие

потомки) принимались на службу в государственный «чиновный» аппарат. Будучи в целом более просвещенными, чем в массе местное население, как, впрочем, и немцы, и евреи, они без труда нашли свою «нишу», занявшись предпринимательством, торговлей, активно включившись в сферу культуры. Характерен пример Синаквича, ставшего владельцем кирпичного производства и магазина, побывавшего в должности городского головы и даже возглавлявшего дирекцию первого в России муниципально-оперного театра. Много поляков оказалось в Перми, причем вполне добровольно, ближе к концу столетия в связи со строительством и эксплуатацией первых железных дорог на Урале и в Прикамье, с развитием экономики и культуры. В памяти горожан остались бывший ссыльный, основатель первого в Перми книжного магазина Пиотровский; архитектор, актер и режиссер Турчевич; дирижер и скрипач, талантливый преподаватель музыки Винярский; строители лучших в то время на Каме пассажирских пароходов Тенчинский и Гавлик...

Евреи в Перми впервые появились в 1823 г., сначала как ссыльные, а потом в качестве кантонистов, воспитанников военного учебного заведения. Здесь в 1860 г. было открыто и некоторое время функционировало военное училище, около половины курсантов которого являлись крещеными евреями, — они в силу своего православного вероисповедания официально евреями не считались.

Крещеным евреем был доктор А. Д. Бланк, врачевавший пермяков в 1841-1843 гг., всего около трех лет, но надолго запомнившийся им спартакским образом жизни многочисленной семьи, а также активным использованием в лечебной практике тогда малоизвестного

строгим воспитанием его детей, в том числе дочери Марии занималась сестра рано умершей жены, немка (с примесью шведской крови) Эссен. После Перми Бланк несколько лет работал в Златоусте. За свой труд на Урале он получил звание дворянина и чин статского советника, который «в переводе» на воинскую номенклатуру был выше полковника, но ниже генерал-майора. Выйдя в отставку, Бланк стал помещиком Казанской губернии, где купил деревню Кокушкино с крепостными крестьянами. В этом поместье уже после смерти А. Д. Бланка любил проводить свои летние каникулы его внук, сын дочери Марии — Володя Ульянов.

Этнические евреи, традиционно исповедовавшие иудаизм и говорившие в быту на языке идиш, в Перми стали заметны с середины XIX в., особенно с 60—70-х годов, когда тем из них, кто имел высшее образование, диплом фармацевта или дантиста, а также был купцом 1-й или 2-й гильдии, дозволялось в Российской империи жить повсеместно. Численность евреев в Перми неуклонно растет, показателем чего стало открытие иудаистского молельного дома в 1869 г., первой синагоги в 1886 г. и второй — в 1903 г. (она существует и поныне). Пермские евреи «по определению» становились интеллигентами и торговцами, а также, «попутно», ремесленниками. Из среды последних вышел один из учеников упомянутого Винярского — выдающийся музыкант Арий Пазовский, начавший свой путь дирижером пермской оперы и завершивший его на посту художественного руководителя и главного дирижера Большого театра в Москве. Много способствовал становлению оперного театра в Перми певец и режиссер Альтшулер.

Эстафету формирования пермской интеллигенции принял XX век. Событием огром-

ного значения в масштабах не только города, но и всего Уральского региона стало открытие в 1916 г. отделений Петроградского университета, в 1917 г. преобразованного в самостоятельный Пермский университет. С этим событием связан еще один десант в Пермь — десант интеллектуалов. Прибывшие из столицы профессора и доценты способствовали подъему культурной жизни города, оказали благотворное воздействие на весь строй его общественного бытия. Многонациональным был уже первоначальный состав профессуры, о чем свидетельствуют фамилии Рихтер, Шмидт, Генкель, Фридман...

Были и потери: свои жертвы принесла пермская многонациональная интеллигенция красному террору первых лет советской власти, репрессиям 1930-х годов.

Но в целом, не смотря ни на что, пермская интеллигенция поступательно шла по пути создания новых ценностей в науке и технике, искусстве и культуре. Этапными являлись годы первых пятилеток и Великой Отечественной войны; время создания ракетно-космического потенциала страны и складывания Пермского научного центра Российской Академии наук.

В заключение следует отметить: основное внимание автора, во-первых, было уделено событиям XIX в., когда закладывался фундамент такого своеобразного явления, как пермская многонациональная интеллигенция; во-вторых, участие в этих событиях, прежде всего, представителей немецкой, польской, еврейской национальностей, ибо именно они внесли существенный вклад в рассматриваемый процесс. Автор отдает себе полный отчет в доминирующей роли русского народа, которая должна быть освещена особо.

М. Н. СТЕПАНОВ.

ПЕРМЯКИ

Павел Серебренников и Александр Городцов — снова вместе

ного кирпича, башенки со шпильями, крутящиеся маленькие флюгера, словно на средневековом замке - таким представлял дом под школу пермский архитектор А. Б. Турчевич. Инициатором постройки был доктор медицины, краевед Павел Николаевич Серебренников.

В школе был рукодельный класс с отделениями чистки и глажения белья, шитья и кройки платьев и вышивки гладью. Ежегодно в школе устраивались дни благотворительности, когда ученицы изготавливали свои изделия для многочисленных семей пермских бедняков и раздавали их в виде подарков.

27 октября 1896 г. в губернской Перми произошло знаменательное событие. На углу улиц Пермской (Кирова) и Оханской (Газеты «Звезда») была открыта Рождество-Богородицкая церковно-приходская школа, предназначавшаяся для девочек из бедных семей, сиротских домов и приютов. Землю под школьное здание купил староста Рождество-Богородицкой церкви Кондрат Андрианович Сорокин. Основную часть средств собрали прихожане. Наиболее крупные пожертвования на постройку школы внесли пароходчик Н. В. Мешков, князь С. С. Абамелек-Лазарев, графиня Стенбок-Фермор, купцы П. С. Жирнов, Г. В. Бердинский и др.

Красивое здание из крас-

ного кирпича, башенки со шпильями, крутящиеся маленькие флюгера, словно на средневековом замке - таким представлял дом под школу пермский архитектор А. Б. Турчевич. Инициатором постройки был доктор медицины, краевед Павел Николаевич Серебренников.

П. Н. Серебренников проводил медицинский осмотр детей, читал лекции по гигиене, организовал в школе народные чтения.

Школа была знаменита курсами певческой грамоты, которые вел режиссер и оперный певец Александр Дмитриевич Городцов.

Школьный хор под управлением Городцова выступал в городском саду на праздниках и гуляниях. Богородицкая школа была образцовой во всей Пермской губернии. Даже в путеводителях по городу экскурсантам рекомендовалось посетить ее, как достопримечательность. Жители так и называли школу — «народным домом Городцова». А залу, где выступал хор, было присвоено имя П. Н. Серебренникова.

С тех пор прошло более ста лет. Многие изменилось в Перми. Все меньше становится старых, красивых зданий дореволюционной постройки - немых свидетелей истории города. Полная перепланировка произошла и в здании бывшей Богородицкой школы. Нарушены многие внутренние архитектурные элементы. Но не тронутым остался зал им. П. Н. Серебренникова.

Сохранилась старинная плитка на полу, красивая лепнина. По-прежнему прекрасная акустика. В этом зале проходили когда-то детские праздники «Древонасаждения», «День белой ромашки», «Детское утро». Здесь звучала музыка Славянского, Гольтисона, Даргомыжского, Чайковского. Исполнялись романсы «Тускло месяц бледный светит», «Цветы». Читались стихи Надсона, Огарева. Здесь выступал оркестр балалаечников, мандолинистов, хор певческого общества. Многие

моменты из жизни Богородицкой школы запечатлены на старинных фотографиях, которые вместе с мемориальной доской и чертежами проекта здания школы сохранились до наших дней.

Работа по изучению истории школы продолжается. Создается музей Богородицкой школы. Художник В. Дылдин написал для него портреты А. Д. Городцова и П. Н. Серебренникова, а работники Пермского областного краеведческого музея взялись за реставрацию школьного архива.

В октябре 2002 г. в зале Серебренникова состоялся первый пробный концерт. Для ветеранов педагогического труда звучала здесь, как и сто лет назад, хоровая музыка. Под управлением М. Г. Аблязовой и В. В. Грачева выступили хоровой коллектив музыкального училища (директор Г. Л. Реброва) и хор юношей хоровой школы-капеллы (директор Л. П. Самсонова). Старинный зал оживал на глазах. На исполнителей и слушателей внимательно смотрели с портретов Павел Серебренников и Александр Городцов. Они снова были вместе.

Игорь РОГОЖНИКОВ.

Вверху — портрет П. Н. Серебренникова. Художник В. Дылдин.

НОВАЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

14 января нынешнего года была торжественно открыта мемориальная доска в память о замечательном пермском краеведе Михаиле Николаевиче Колпакове. Она установлена на доме, где этот удивительный человек жил двадцать шесть лет — с 1967 по 1993 годы.

Михаил Николаевич прожил большую, интересную и полезную для людей жизнь. Он был исследователем, посвятившим себя поискам материалов о наших замечательных земляках. Мы помним его прекрасные лекции, которые он иногда сопровождал своей игрой на фортепиано, и это потрясало слушателей. Он писал

очерки, статьи, книги, блестяще выступал на радио и телевидении. Михаил Николаевич был инициатором наименования улиц Перми, установки мемориальных досок и памятников, присвоения имен героев школам, ПТУ. Более двадцати героев Советского Союза увековечены в наименованиях улиц нашего горо-

да: А. И. Крохалева, А. В. Пашков, Б. Г. Пирожков, Л. В. Рассохин, В. А. Польшгалов, Ф. Г. Старцев и другие. А как он увековечил память о Н. Г. Славянове! Памятник ему установлен на улице Дружбы в Мотовилихинском районе в 1988 году. Дом-музей Н. Г. Славянова открыт на улице 1905-го года, 37. Председателем совета этого музея М. Н. Колпаков был до последних дней своей жизни. В Мотовилихинском районе улица названа именем Н. Г. Славянова. Его скульптурный бюст установлен у здания Механического техникума, носяще-

го имя Н. Г. Славянова. Все это осуществилось благодаря энергии, неутомимости и исключительной настойчивости М. Н. Колпакова.

Обо всем этом говорили на открытии мемориальной доски В. И. Эйрих (зам. главы администрации Мотовилихинского района), Л. В. Устинов (директор музея истории «Мотовилихинских заводов»), Л. В. Перескоков (председатель Пермского областного отделения ВООПИиК), А. А. Гребенкин (замечательный пермский поэт), Т. М. Вершинина (дочь М. Н. Колпакова).

14 октября исполни-

лось бы 90 лет со дня рождения М. Н. Колпакова. Он прожил 83 года, и вся его жизнь — это подвиг служения людям. Большое спасибо журналисту Т. П. Черновой, главному редактору газеты «Вечерняя Пермь» Ю. В. Рудневу и председателю областного отделения ВООПИиК Л. В. Перескокову за их активное участие в подготовке и открытии мемориальной доски М. Н. Колпакову.

Л. Г. ДВОРСОН,
засл. деятель
культуры РФ.

Памяти Николая Зарубина

«ЗЕМНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ» — так названа выставка живописных произведений Николая Зарубина. Она открыта в Центральном выставочном зале 3 февраля 2003 года. В экспозиции — картины из частных собраний города, Пермской художественной галереи, семьи.

В этом году Николаю Александровичу исполнилось бы 55. Его жизнь была короткой, но яркой.

Николай Зарубин родился в 1948 г. в с. Новичиха Алтайского края. После окончания в 1975 г. художественно-графического факультета Московского педагогического института вместе с семьей он приехал в Пермь. Преподавал в Пермском педучилище № 4, в детской художественной школе, ИЗО-студиях города. С 1983 г. и до своей кончины в 1998 г. работал в Художественном фонде Перми.

«Другая жизнь» была без остатка отдана творчеству. Зарубин — один из тех художников, для которого творчеством было «творение» и себя, и своей семьи. Его мировоззрение складывалось на основе глубокого

изучения русской философии, христианства, восточных религий. Конец 1980-х — начало 1990-х гг. открыл для широкой публики и изотерику, и уфологию, оккультные науки. Все это так же не могло не оказать влияние на творчество. Но Зарубин был художником. Он познавал мудрость религий, современных мифов и интуитивно, и пластически, и эстетически, стремясь визуализировать отвлеченные мировоззренческие понятия, найти адекватные формы воплощения в художественных образах. Несмотря на то, что живописец участвовал во многих выставках пермских художников с 1970-х гг., подлинное его «открытие» для пермской публики и даже для художников, его коллег, состоялось во время первой персональной выставки

1991 г. Именно тогда Николай Зарубин показал полетна, в которых смог выразить свои мировоззренческие представления. Именно с тех пор Зарубин стал «живой легендой», о нем заговорили, приглашали на встречи с самой различной аудиторией, к нему тянулась молодежь. Последние девять лет жизни были самыми плодотворными. В эти годы были созданы программные его произведения «Карфаген» (1998), «Свет миру» (1996), «Вифлеемская звезда» (1993), «Эгрегор Перми» (1993), «Ева. Зеленая волна» (1992), «Матерь мира» (1995), «Приходивший» (1997) и др.

История написания картины «Карфаген» — почти легенда. Полотно было заказано пермским бизнесменом. Он попросил написать картину о тщетности жизни, тщетности богатства, равной библейскому: «все проходит». Заказал и исчез из поля зрения художника. Картина же была создана. Для воплощения идеи тщетности Зарубин выбрал сюжет из древней истории: могуществен-

ный и процветающий город — государство Карфаген был разрушен в результате Пунических войн. Римляне сравнивали город с землей, уцелевших продали в рабство, а почву посыпали солью.

В самом выборе холста заложено противоборство: устойчивость квадрата — и активное движение форм, пронизывающих картину налево и слева направо. Камни, безлюдные холмы, которые, оставив взгляд, вдруг превращаются в монументы забытых героев и Богов — символов былого величия и могущества. В поле зрения разрушенная статуя богини-девы Тиннит, небесной царицы, верховного божества карфагенского пантеона. Стоит слегка отвести взгляд — и перед зрителем снова серебристые седые камни, покрытые песком и пеплом времени. Как вестник современности — из остатков разрушенных монументов и скал возникает силуэт девочки с велосипедом. Героем картины стало все изменяющееся и все разрушающее ВРЕМЯ. Идея

изменяемости всего сущего, идея движения, разрушения, воплощения и созидания — пронизывает все творчество Николая Зарубина.

Художник привнес в пермское искусство и культуру не только неповторимые темы и образы, свой художнический и человеческий опыт. Зарубин был одним из первых, кто эстетически и поэтически осмысливал особенность пермской истории и культуры, природного ландшафта и географического места расположения. Пермь — последняя точка Европы и первая — Азии. На основе своих изысканий он создавал авторский миф о пермской земле. Его собственные построения переплетались с образными смыслами современного мифотворческого сознания. Он — один из ярких творцов пермского историко-культурного мифа.

**Нина
КАЗАРИНОВА,**
искусствовед,
сотрудник
Пермской
государственной
художественной
галереи.

Коньки бегут вперед!

(о зарождении в Перми спортивных организаций)

Б. Кузнецов — чемпион г. Перми по конькам 1918 г.

Зима приносит свои радости, свои развлечения. Только утихают трескучие морозы — пермяки спешат на свежий воздух: кто на лыжах, кто на санках, кто на коньках. Так происходит в наши дни, так было и в прежние времена.

Директор мужской гимназии Н. С. Попов писал 200 лет назад о зимних развлечениях пермяков: «...Катаются на санках и коньках, как с восточного городского увала, так и со Слудки на р. Каму, или во дворах делают для сего подобные катушки из снега, замороженные посредством поливания водою». Невольно вспоминаются пушкинские строки:

**«Как весело,
обув железом
острым НОГИ,
скользять по
зеркалустоячих,
ровных рек!»**

Все имеет свое начало. Первый общественный каток г. Перми был устроен осенью 1914 г., как ни странно, Пермским речным яхт-клубом. Оказывается, большинство спортивных секций по разным видам спорта были созданы именно членами яхт-клуба. Такая вот особенность Перми! Пермское простояло больше увлеклось народными играми (соб-

ственная яхта или велосипед не по карману). А вот люди состоятельные, которые бывали и в столичных городах страны, и в Европе, завезли в провинциальную Пермь и сведения о видах спорта, о соревнованиях. Среди пермских спортсменов были юные потомки таких известных фамилий, как Алин — «меховой король», Судоплатов — владелец кондитерской фабрики, купцы - Ржевнины, Каменские, Нассоновы, Тупицины, Суслины и др.

Первый общественный каток был устроен в саду Пермского общественного собрания (теперь - сад им. М. Горького) и располагался на площадке между ротондой илетней сценой-раковинной, сломанной в начале 1980-х годов. В наши дни заливка катка возобновлена. Наверное, немало шишек набили на льду любители коньков. Да разве может испортить хорошее настроение синяк или ссадина?

Слышали старые липы сада и зазорные крики «Шайбу - шайбу!». Зимой 1914-1915 гг. здесь был проведен ряд хоккейных матчей.

В то же время состоялись состязания по конькобежному спорту и фигурному катанию. Первое место в беге на коньках занял Н. Бояринков. В фигурном катании победителем оказался сын известного пермского историка-летописца Александр Шишонко. В феврале 1915 г. в Екатеринбурге было разыграно первенство Урала по конькобежному спорту. В соревнованиях приняли участие два пермяка: Бояринков занял III место и Лундин-VI. В 1916-1918 гг. успехов в конькобежном спорте добились такие спортсмены, как Б. Кузнецов, П. Токтуев.

К сожалению, лыжная станция почти не функционировала, так как среди членов яхт-клуба не оказалось опытных руководителей этого вида спорта. Но в сезон 1914—1915 гг. состоялось несколько прогулок по окрестностям Перми.

Любители спорта в Перми не унывали. 28 февраля 1915 г. на заснеженном катке со-

Состязания на коньках 1916 г.

Пермские хоккеисты 1916 г.

стоялся товарищеский матч по футболу между сборными командами Перми и Мотовилихи. Пермь выиграла со счетом 5:1. «Заведующим футболом» был страстный энтузиаст этой игры, победитель фигурист А. В. Шишонко.

Для первых спортивных организаций важным был вопрос финансирования. На устройство катка осенью 1914 г. путем подписки собрали 300 рублей. Благоприятная зима 1914—1915 гг. дал возможность получить небольшую прибыль, которую потратили на покупку спортивного инвентаря, но недостаток средств остро чувствовался. Сыновья и внуки состоятельных людей не всегда имели «денежки», которые можно потратить на любимое увлечение, приходилось гускаться порой на авантюрные дела. Для изыскания средств в марте 1915 г. членами яхт-клуба А. С. Степановым, Н. П. Каменским и Н. М. Чинаевым (судья первенства Урала по конькобежному спорту) на свой страх и

риск был открыт кинематограф в городском театре. От этого предприятия получили 860 рублей убытка. Увы! Любое дело требует умения. Однако совершенно равнозначное мероприятие спасла положение. Яхт-клубом был открыт электротئاتр «Мираж». Были покрыты все убытки и получена прибыль 2100 рублей.

Традиции, зарожденные в начале века, получили развитие в советское время. Больше внимание уделялось массовому физкультурному движению. Предлагаем вниманию читателей лишь один эпизод такой работы в сезон 1950—1951 гг.

24 декабря 1950 г. в газете «Звезда» была опубликована статья о катках г. Молотова. В городе к концу 1950 г. действовало 6 катков и 7 спортплощадок. Комиссией горисполкома по проверке работы катков отмечалось, что малы гардеробные, плохо налажен прокат коньков, нет достаточной агитации, показатели конькобежцев города и области.

11 января 1951 г. этот вопрос рассматривался на заседании исполнительного ко-

митета городского Совета депутатов трудящихся. Было принято решение, обязывающее комитеты по делам физкультуры и спорта, руководителей стадионов и катков, отделы народного образования, жилищно-коммунальные отделы заводов принять меры к улучшению работы катков, стадионов, заливке новых катков, превратив их в центры массового спорта для детей, молодежи и взрослого населения.

Обращалось внимание на периодичность работы катков, введение занятий по обучению спортивным навыкам, организацию контроля за работой катков общественными организациями и т. д. Планировалось открытие новых катков силами профсоюзов и комсомола в каждом микрорайоне города и при 23 городских школах. Только в Кагановичском (Дзержинском) районе открылись катки при школах 37, 32, 15, 35, 5, 30.

Как жаль, что в наши дни мы многое утратили, потеряли. Проходит время, сменяются поколения, но не должно забываться, исчезать из памяти то, что было первым. Пусть развиваются зимние виды спорта в массовом и профессиональном виде. Пусть коньки бегут вперед!

**Ольга
МИЛЬЧАКОВА
сотрудник
Государственного
архива
Пермской области.**

Учредитель: Пермская областная библиотека им. М. Горького.
Редактор А. Ф. Старовойтов и Т. И. Быстрых.
Газета отпечатана ИПП «Реал», г. Пермь, шоссе Космонавтов, 244, заказ № 2226—2003, тир. 999 экз